

16+

Константин Рассомахин
Сказка о Елпидифоре

Константин Рассомахин
Сказка о Елпидифоре

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Рассомахин К.

Сказка о Елпидифоре / К. Рассомахин — «ЛитРес: Самиздат»,
2001

Сказка о волшебном яблоке, экзистенциальном вопросе и прытком
лесничем Елпидифоре, рассказанная с применением современной изящной
терминологии.

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были канцлер с канцеляршей – это, значит, король с королевой, по-старому. Эпоха тогда была просвещенная, и наука сильно продвинулась вперед, и ученых развелось – пруд пруди, все одни доктора да члены-корреспонденты, и канцлер с канцеляршей держали у себя при дворе с дюжину таких членов, да вот, к несчастью, ни один из этих корреспондентов не мог помочь своему покровителю в его недуге. А недуг-то и заключался всего-навсего в том, что не было у канцлера и канцелярши детей.

Для нас с вами, уважаемый электорат, это, конечно, не ахти какая беда – отсутствие потомства. Иное дело – цари. Им по статусу положено иметь наследников, ну если не целый выводок, то хотя бы одного, самого задрипанного, лишь бы народу было сподручно кормить его с ложки. А то если народу не кого кормить с ложки, то опускаются у него, у бедного народа, руки, и становится он сам не свой, худеет и умнеет на глазах, и всячески развинчивается. Ну да бог с ним, с народом, не о нем речь.

Итак, для королей забота о продолжении рода – настоящая беда, у них прямо лицо перекашивается, когда речь заходит о детях, а уж когда их нет, то тут и вовсе туши свет, бросай гранату. Чего только ни перепробовала бедная венценосная чета, чтобы достичь присовокупления в семье. Куда их только ни укалывали всякими иглами хитрые китайцы, какой только активной биологической приправой ни пичкали их ушлые американцы, какие только конечно-сти ни массировали им оголтелые турки, ничего не помогало державным супругникам избавиться от неплодия.

И вот когда все средства уже были испробованы и у всей демократически настроенной части населения государства пошатнулась вера в непререкаемый авторитаризм науки, вспомнил канцлер Полкан Тринадцатый старую легенду про волшебную яблоню, якобы приносящую потомство тем, кто съест плоды с этого дерева. (Ну, не всем подряд, конечно, приносящую, а только женщинам. Мужчинам, в силу их физиологических отличий от слабого пола, подобная перспектива не светила, хоть скушай ты все то магическое растение со стволом, с листьями, с корнями и с землей, на которой оно стоит. Ну, если только ты очень хочешь, в порядке исключения, при изменении мужского пола на женский, – тогдашняя наука уже и до такого непотребства докатилась – страждешь исправить себе, так сказать, детородный инструмент и воспитать дите без вредного влияния феминизма, то можно и мужика от неплодия вылечить. А вообще-то, конечно, фрукт этот предназначался для женского сословья.) Ну а легенда, стало быть, вот такая.

Со времен глубокого средневекового мракобесия и ханжества ходил в тех краях сказ о злой ведьме Ягине, которая однажды выручила из беды бога смерти и воздаяния по заслугам по кличке Чох. Не поделил этот самый Чох с богом жизни и радости Пыхтуном одну нимфу – ну, не нимфу, а так себе нимфеточку сомнительной наружности, и вышел у них скандал на весь небосвод. Десять лет подконтрольные им средства массовой инсинуации густо сдабривали эфирное пространство лазури отборнейшими помоями, чему были несказанно рады отупевшие в религиозном невежестве канцелярские народности, не уставая хвалить небо за подкорм хилых посевов мака и конопли, пока в начале третьего года Господу нашему царю-батюшке, то есть самому главному их теневому богу, которому все заочно плевали в рожу, а очно признавались в чувстве и целовали в седалище, не надоела их собачья полемика. Чтоб более никому не повадно было хамить друг другу за глаза обидными плюрализмами, Главный временно отстранил Пыхтуна от занимаемой должности, отдав заботу о радостной жизни на откуп инквизиционной опричнины. Бога же смерти как сильно отметившегося в ругательном ремесле сквернавца снабдил для совершенства в означенном искусстве таким выразительным обликом и такими морфологическими ресурсами, что бедняга Чох утратил всякую возможность геройствовать на любовном фланге. Стоило ему только раскрыть свое любезное хайло перед какой-нибудь божественной грешницей и обратить на себя ее взоры, как несчастную

красотку от одного созерцания этого мордovorота и от потоков рифмованного мата начинало крючить, и буравить, и наизнанку выворачивать, что, вполне понятно, несколько мешало их дальнейшему продвижению в сторону алькова. Короче говоря, тут не то, что амурного удовлетворения не получишь, рюмку шафрана – и то не опрокинешь – плавники с бивнями чинят препоны. Вот в этот самый момент и подвернулась Чоху ведьмочка Ягиня.

– Давай, – говорит, – сделаю из тебя Ален Делона, а ты меня взамен вечной жизнью и вечной молодостью побалуешь.

Чох, конечно, обложил ее шестиэтажным дивертисментом и согласился. А что поделать, если ее папа в те времена был большим воротилой чернокнижного промысла?

– На, тебе, дрянь ты эдакая, – говорит Чох, – твою собственную монаду, из которой ты, если верить Готфриду Вильгельму Лейбницу, стала возможной и появилась на свет. Храни ее как следует, в сухом и прохладном месте, но в то же время и неподалеку от себя, тогда ни жизнь, ни молодость вовек с тебя не соскоблятся. А чтоб у меня на кармическом балансе подушный дебет с кредитом сходился, вот тебе семечко волшебной яблони, посади его у себя в саду да глаз с него не спускай. Созревают на этом деревце не цветы-овощи, а жизни человеческие. Будешь этими яблоками кормить простых смертных налогоплательщиков, которым бог не дал потомства, а они в твой счет будут свои молодые жизни перечислять, продолжаясь в детях. Если перестанешь яблочных уроженцев мне поставлять, отниму у тебя монаду безо всякой жалостливой канители. Теперь же тебя не трону и даже возьму к себе на недельку любимой сожительницей, а также буду тебе всякие поднебесные гостинцы подбрасывать до скончания моих полномочий, если сделаешь из меня не Ален Делона, а Леонардо ди Каприо, твою мать, эпоху, душу, совесть, – ну, и так далее в том же духе...

– Ладно, – отвечает Ягиня, – слеплю из тебя ди Каприо, только лапы свои уберу с моей белой груди, винегрет моржовый, не про того сватана.

Ударили они, значит, по рукам, и с тех пор бог смерти Чох живет себе припеваючи на небесах, всех с ума сводит своей красою и ни одной юбке проходу не дает, а колдунья, завинтив монаду в рукоятку своей волшебной палочки, на земле тоже не жалобится, втихую ведет свой безвременный гешефт да пряники жует.

Вспомнил, стало быть, канцлер про легенду эту и велит привести к себе лесничего возраста призывного со странным именем Елпидифор.

– Слушай, лесник, – говорит канцлер, – выручай канцелярию. Сороковой год мне пошел, а семье моей нет никакого добавления от честной моей жены, канцелярши Полканихи. Достали меня окаянные доктора с их членами, не могут ничем подсобить ей, бедняжке, в плане оплодотворения. А детей-то мне надобно всего-навсего одну штуку безразличного рода, то бишь преемника или преемницу, чтоб окружающим меня политическим стервятникам не досталась в старости моя одряхлевшая пенсионная падаля. Ну и чтобы без похожего потомства мне, как и любому рабскому гражданину, смысл жизни не представлялся пустой бесперспективной ахинеей. Ступай-ка ты к ведьме Ягине подобру-поздорову, пока в народе не начались митинги оппозиции, да купи у нее яблоко волшебное по оптовой цене.

– Тебя трансформаторной будкой шарахнуло, канцлер-отец, или обожрался ты тараканьих лапок, сваренных в обезьяньем соку? – вопросительно отвечает ему Елпидифор. – Али ты не знаешь, что вместо продолжения никудышного твоего рода ведьма тебя самого либо жену твою расписную раньше срока погубит? И ежели супружница твоя родит тебе дочь, а тебя самого не станет, то у кого же народ будет в ногах валяться и кому сопلي будет вытирать, издержка ты пренатального периода?

– Цыц, – огрызается на него канцлер великий Полкан, – какие обороты загибаешь про вельможную персону? Не твоего стрелкового ума дело – королю советы отдавать. Что я, с какой-то бабой не столкуюсь? Что я, не политик, что ль? Вот тебе проект мирного договора с этой стервой, вот тебе нота протеста, если она заартачится, а вот и накладные – нагружай,

значится, провианта побольше, я потом этими яблоками на международной арене буду спекулировать. И пусть только она попробует мне не дать. Я ей такое эмбарго покажу, какое одинокой женщине и не снилось. Что стоишь, как тумба? Иди, куда послали.

– Иди ты сам в эту скважину, если у тебя такая возбужденность, канцлер-батюшка, – аполитично восклицает Елпидифор, – не пойду я к ведьме в лапы, пропаду на чужбине зазря. Эта путана и наркоманка еще, чего доброго, меня самого, молодого и неженатого, охмурит, попользует и сплавит кому надо на тот свет за бесценок.

– Молчать, – церемонно заявляет либеральный канцлер Полкан. – Жизнь твоя и на родине ничего не стоит. Ступай, куда велено, да без яблока не возвращайся, а то твоей матушки да твоего батюшки давно уже два электрических стула дожидаются, как раз по соседству с электрическими удобствами для газетчиков. Да в загородной резиденции у меня целый электрический гарнитур, нарочно заказанный из Северной Кореи для твоих братьев и сестер, и для всей твоей родни, лежит в целлофане не распакованный.

Делать нечего, канцлер хоть и социал-демократ, но зато большой затейник по части пыточных увеселений. Ведь ему ничего не стоит из одного лишь ворчливого любопытства поджарить человека газосварочным аппаратом, чтобы получить редкую судебно-медицинскую фотографию. Плюнул на инкрустированный паркет обуянный скорбью лесничий Елпидифор, дал своему гражданскому возмущению отдушину и пошел с колдуньей разбираться. Не забыл он, конечно, захватить с собой и сабельку, и арбалет с оптическим прицелом, и грамотами канцелярскими не погнушался – мало ли для какой нужды понадобятся.

Ходил он, бродил по долинам и по взгорьям, вступал в пограничные контакты с разными социальными индивидами, расспрашивая у них дорогу к ведьме, пока в конце своих приключений не очутился в волшебном лесу, где цвело и благоухало такое число невиданных ботанических извращений, какое бывает только после поломки на атомной станции. По этому признаку и еще по тому, что кругом обнаруживались насыпи человеческих объедков, прямо как на нездоровых изображениях баталиста Верещагина, Елпидифор сразу смекнул, что угодил он аккуратно в дендрарий колдуньи Ягини. К тому времени ночь уже уселась на землю, и спелая луна, осветив своей бледностью дикорастущий простор, придала антуражу уголовно-процессуальный оттенок.

В середине неопознанной экологической аномалии, на полянке, стояла, значится, заветная яблонька с одним-единственным позолоченным яблочком на рахитичной ветке, ну, все равно как в шовинистическом раю Адама и Евы. Только там не было бюджетных караульчиков, главный теневой Бог наш царь-батюшка в Эдеме сам на облаке обходил свои посевы и собственноручно отмечал смутьянов кулачком под дых, а здесь казенных вахтеров было аж целых две штуки поставлено, и оба не простые людишки, а злые вурдалаки, то бишь охотники на человечков. Правда, когда лесничий Елпидифор подступил к бандитской той малине и варезку свою раззявил, смерив яблоню экзальтированным взглядом, злыдни вурдалаки в сторонке, под смородиновой пальмой валялись пьяные вусмерть и от большой философской задумчивости упражнялись в стрельбе из автомата одинокими патронами.

Терзаемый неудовлетворительным предчувствием и немало ошарашенный тем, что никто его не встречает, а яблоко вот оно висит, спелостью наливаясь, бери – не хочу, стоял Елпидифор в нерешительной эмоции, как вдруг видит – летит прямо в него переливающаяся лунными отблесками глупая пуля.

– Ничего себе, – молвил бесстрашный Елпидифор, – вот, значит, как у вас тут хлебом-солью потчуют.

Сделал лесничий шажок вправо, надел танкистский шлем, пригнул макушку, пуля вокруг него проскочила и сгнула в плотных слоях атмосферы. «Однако здесь криминогенная обстановка, – подумал герой. – Кому ж это понадобилось в нечаянных проходимцев неотразимую гибель посылать? Дай-ка, я сползаю на разведку, приструню хулиганов».

Зарядив стрелу в арбалет, подобрался он на корячках к яблоне, а яблоня как раз на пригорке стояла, и с высоты все расположение пейзажа хорошо просматривалось. Глядит Елпидифор в инфракрасный прицел – высовывается из дебрей африканской клубники оружейное отверстие. Кто стреляет – в темноте рожи не видно, но по нестерпимому философскому перегару чувствуется, что метит в яблочко. «Э-ка, что задумал, вражеский безобразник, – сказал про себя Елпидифор, – преступное вмешательство в движение исторических событий!»

Не дожидаясь, пока невидимый убийца разнесет мишень на ошметки, лесничий вынул руку из кустов, схватился за яблоко, и в этот момент прогремел другой выстрел. Вскинь он руку чуть позже, было бы у сказки другое завершение. А так – фрукт, целый и невредимый, остался в ладошке у лесника, пуля же, пронзив насквозь то место, которое яблоко занимало на черенке, уплясала в распростертый горизонт.

Сию же минуту в лесничего со всех сторон вмазали прожектора, завизжала траурная сигнализация, ожил матюгальник, прибитый к корню на перевернутой вверх тормашками березе.

– Кто мне весь обстрел испортил? Такую траекторию запороть! – заорал несвойственным себе криком меткий плодово-ягодный стрелок в свисающий с уха микрофон и показался из кустов во весь свой людоедский масштаб.

– Ну, я испортил, твое благородие, – скромно отвечал Елпидифор, вставая с земли и придерживая злого вурдалака на арбалетной мушке.

– Это что еще за путешественник к нам на участок приперся? – выкатился из-под пальмы второй сторож в обнимку с бутылью, в которой колыхалась украденная из погреба колдуньи мертвая вода, в грамотной пропорции разведенная с живой. – Ты кто таков будешь, камикадзе?

– Охотник я, – молвил смельчак, не спуская глаз с прицела, – его канцелярского величества Полкана личный лесничий, а зовут меня исчезающим именем Елпидифор – батюшка эдаким прозвищем угрозил.

– Лесничий, говоришь? И, стало быть, на охоту с сабелькой и арбалетом ходишь? – выказал сарказм лежебока, случайно вырубая пьяной ногой сигнальное пение сирен. – А почему не с карабином аль не с дубиной? Дубина – это ведь как романтично!

– Да на охоте дубин с карабинами и без того хватает, – нашелся с околичным высказыванием Елпидифор. – Вы лучше сами-ка огласите свои паспортные фамилии-отчества, господа не приветливые?

– Меня зовут Мелево, – взял речь первый вурдалак, – а этого потребителя мертвой и живой воды вперемешку с бензином кличут Копуша. Сторожим мы яблоню колдуньи Ягини и все ее селекционные художества от вторжения заграничного инвестиционного климата и от всяких там воругов.

– То-то я и гляжу, что вы сторожите, – сказал лесничий, все еще выбирая у Мелева на морде место, куда выпустить стрелу, – охаживаете знаменательный саженец свинцом из автоматической системы Калашникова.

– Понимал бы что в парадоксальном суждении! – хмыкнул Мелево. – Отдавай то, что спер, и расставайся с жизнью. Прямо к ужину ты поспел. Сейчас мы тебя жрать начнем, потому как мы, по определению, пожиратели людишек.

– И любители созерцательного метода чувствования, по характеру, – икнул Копуша, абсурдно уставившись в небесный потолок. – Может, лакнешь нашего зелья напоследок?

– Хе-хе-хе, – нетвердо спросил Елпидифор, – извините, конечно, немилосердно, но что вы во мне, таком жестком и костлявом, нашли, за что меня можно было бы скушать, господу ученые лауреаты? И, прошу прощения за дополнительный интерес, по какой-то теории вы увлекаетесь канныбализмом?

– Теория подсказана нам приравненной к богам алхимичкой Ягинею, с которой у нас трудовой договор по охране ее околонушной деятельности имеется, – пояснил Мелево. – Наша колдующая работодательница, если тебе это не известно, желая собственными глазами озна-

комиться с пагубным концом этого света, решила шпионским образом откосить от смерти. И вслед за нею мы, не как продажные Маты Хари, но как два отрешенных от мира космополита, отчаянно стремимся увидеть истину в ее самом кошмарном варианте. Из надежных осведомительских источников в поднебесной администрации нам стало известно, что вечность уже отмерена, и осталось человечеству телепаться на голубой планете ровно 10 000 лет. Что и говорить, срок, конечно же, немалый, и человек – не черепаха каменная, чтоб прожить сто жизней подряд в складчину, но для тех, кому особенно хочется живьем посмотреть, с каким звоном здоровенная вселенная разлетится ко всем чертям на миниатюрные компоненты под торжественный аккомпанемент божественных сфер, нет ничего невозможного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.